

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.21
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Шарифулин Артём Артурович
sharifulinart@gmail.com
Студент Института прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Шарифулин Геннадий Артурович
murochta11@mail.ru
Магистрант Владимирского юридического
института ФСИН России, майор полиции

Научный руководитель:
Клепицкий Иван Анатольевич
Профессор кафедры уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук

Освобождение от уголовной ответственности в контексте презумпции невиновности

Шарифулин А. А., Шарифулин Г. А. / Освобождение от
уголовной ответственности в контексте
презумпции невиновности // Уральский журнал
правовых исследований. 2023. № 3. С. 77–92. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_стр

Аннотация:

В представленном комплексном исследовании рассматривается проблема соответствия существующего межотраслевого правового института освобождения от уголовной ответственности конституционному принципу презумпции невиновности. Выявлены несоответствия в контексте уголовного, уголовно-процессуального, трудового, административного, гражданского и семейного права в действующем законодательстве и законопроектах. Актуальность работы обосновывается не теряющей своих темпов научной дискуссией и предстоящими изменениями российского законодательства в анализируемой сфере. В качестве задач исследования авторами были поставлены следующие цели: во-первых, выявить, в чём именно проявляется несоответствие элементов освобождения от уголовной ответственности Конституции Российской Федерации, во-вторых, подробно проанализировать как правоприменительную практику по данным вопросам, так и предложения учёных по их разрешению, в-третьих, сформулировать собственные научно-обоснованные позиции. По результатам проведённого исследования были сделаны следующие выводы: в целях обеспечения презумпции невиновности целесообразно на нормативном (позитивном) уровне закрепить обязанность правоприменителя воздержаться от вывода о виновности в преступлении лица, освобождённого от уголовной ответственности; установленные за рамками уголовного права ограничения прав и свобод лица, освобождённого от уголовной ответственности, противоречат конституционному принципу презумпции невиновности; эти ограничения из различных отраслей российского законодательства по своему фактическому содержанию являются наказаниями, не предусмотренными уголовным законом, то есть Уголовным кодексом Российской Федерации; существующий порядок фиксации статуса лица, подвергшегося уголовному преследованию, расширяет карательное содержание данных ограничений. В рамках данной статьи авторами даны рекомендации по устранению несоответствия норм разных отраслей права конституционному принципу презумпции невиновности.

УДК 343.21
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Artem A. Sharifulin
sharifulinart@gmail.com
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Gennady A. Sharifulin
murochta11@mail.ru
Federal Penitentiary Service of Russia Vladimir Law
Institute, Master student, police major

Academic Supervisor:
Ivan A. Klepitskij
Professor of Criminal Law Department
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of
Juridical Sciences

Exemption from Criminal Liability in the Context of the Presumption of Innocence

Artem A. Sharifulin, Gennady A. Sharifulin / Exemption
from criminal liability in the context of the presumption
of innocence // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3.
P. 77–92. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Abstract:

The presented comprehensive study examines the problem of compliance of the existing intersectoral legal institution of exemption from criminal liability with the constitutional principle of presumption of innocence. Inconsistencies in the context of criminal, criminal procedure, labor, administrative, civil and family law in the current legislation and draft laws have been identified. The relevance of the work is justified by the ongoing scientific discussion and the upcoming changes in Russian legislation in the analyzed area. As the objectives of the study, the authors set the following goals: firstly, to identify exactly where the inconsistency of the elements of exemption from criminal liability manifests itself in the Constitution of the Russian Federation, secondly, to analyze in detail both law enforcement practice on these issues and the proposals of scientists to resolve them, thirdly, to formulate their own scientifically based positions. According to the results of the study, the following conclusions were made: in order to ensure the presumption of innocence, it is advisable to fix at the normative (positive) level the duty of the law enforcement officer to refrain from concluding that a person released from criminal liability is guilty of a crime; restrictions on the rights and freedoms of a person released from criminal liability established outside the framework of criminal law contradict the constitutional principle of the presumption of innocence; these restrictions from various branches of Russian legislation in their actual content are punishments not provided for by criminal law, that is, the Criminal Code of the Russian Federation; the existing procedure for fixing the status of a person who has been subjected to criminal prosecution expands the punitive content of these restrictions. Within the framework of this article, the authors have given recommendations on how to eliminate the inconsistency of the norms of different branches of law with the constitutional principle of the presumption of innocence.

Ключевые слова:

освобождение от уголовной ответственности, презумпция невиновности, уголовное наказание, меры государственного принуждения, судимость, уголовное преследование.

Keywords:

exemption from criminal liability, presumption of innocence, criminal punishment, measures of state coercion, criminal record, criminal prosecution.

Российский институт освобождения от уголовной ответственности берёт своё начало ещё со времён Русской Правды, именно поэтому сегодня он «довольно прочно закрепился в уголовном праве нашего государства» [1, с. 156]. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) ему посвящена глава 11, имеющая одноимённое название. Между тем, нормы данного института в обширном количестве представлены и в Особенной части УК РФ, так, только на начало 2018 г. число «поощрительных примечаний ... составляло 40 с распространением их действия на 44 статьи» [2, с. 321]. Отметим, что именно из-за существования этого института и института освобождения от наказания не нашёл своего отражения в системе принципов уголовного закона на сегодняшний день принцип неотвратимости ответственности (наказания), поэтому не весьма понятны причины, по которым он декларируется в некоторых актах законодательства России (например, п. 41, пп. 12 п. 47 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²).

В доктрине уголовного права нет единообразия в определении понятия «освобождение от уголовной ответственности» (связано это, в том числе и с тем, что небесспорным является определение самой «уголовной ответственности»), поэтому целесообразным видится принять за данную правовую категорию отказ от уголовного преследования (отказ от возбуждения дела либо прекращение уголовного преследования или уголовного дела) ввиду его нецелесообразности по основаниям, предусмотренным уголовным законом. Данное определение является практико-ориентированным, с которым, как представляется, могут согласиться представители различных научных школ. Автором этой дефиниции является профессор И.А. Клепицкий, который пока не воплотил свою ценную идею в печатном виде, но юридическая общественность имеет право о ней знать.

В свою очередь, в соответствии с п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) уголовным преследованием является процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. На основании данного определения можно прийти к выводу, что уголовное преследование начинается тогда, когда лицо получает, как минимум, правовой статус подозреваемого: в отношении него 1) выполнено одно из процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ, 2) проведено следственное действие, 3) предприняты иные меры, проводимые в целях его изобличения либо свидетельствующие о наличии подозрений против него (два последних основания установлены п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П⁴).

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2 Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

Таким образом, лицо, освобождаясь от уголовной ответственности путём отказа государства (в лице соответствующих органов) от уголовного преследования на основании одного из видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ, теряет прежний статус подозреваемого, обвиняемого или подсудимого (не только дознаватель с согласия прокурора и следователь с согласия руководителя следственного органа, но также и суд имеет полномочия по прекращению уголовного дела или уголовного преследования), и получает новый правовой статус: лицо, подвергавшееся уголовному преследованию.

Отметим, что все виды освобождения от уголовной ответственности, находящиеся в УК РФ, являются нереабилитирующими основаниями. Это означает, что отказ от уголовного преследования был «не связан с какими-либо противозаконными или необоснованными действиями со стороны государственных органов в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого» [3, с. 1224], при этом, что самое главное, как отмечает доцент К.Б. Калиновский: «вопрос о виновности ... остаётся открытым» [4, с. 521]. Он и должен оставаться открытым, ведь признать лицо виновным в совершении преступления в соответствии в п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ может только суд и только своим приговором (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации⁵ (далее – Конституция РФ), ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Какой из этого правила следует вывод? На наш взгляд, самый очевидный: никто, кроме суда, не может делать вывод о виновности в совершении преступления ни в каких-либо актах, кроме приговора. Представляется, что данный вывод подтверждается и тем, что среди обязательных элементов постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования отсутствует вопрос о виновности (ст. 213 УПК РФ), то есть законодатель абсолютно справедливо говорит правоприменителю обойти этот вопрос стороной, принять то, что если лицо не признано виновным (это может сделать только суд через приговор), то оно им и не является. В практике, к сожалению, присутствует и обратное. Так, например, в решении Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 27 января 2022 г.⁶ только лишь на основании постановления должностного лица правоохранительного органа об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) был сделан однозначный вывод о подтверждении факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть виновность лица была установлена именно не приговором и не судом, что противоречит ранее сказанному. В результате на основании данного вывода иск против «преступника» судом был удовлетворён. Впоследствии данное судебное решение, конечно же, было отменено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ⁷. Таким образом, на наш взгляд, суд первой инстанции нарушил вытекающую из ч. 1 ст. 49 Конституции РФ свою «обязанность рассматривать лицо до вступления в законную силу обвинительного приговора как невиновное (поскольку она, то есть обязанность – А.Ш., Г.Ш.) не зависит от субъективного мнения и убеждения лиц, ведущих уголовное преследование» [5, с. 463]. В этой связи отметим, что данный пример, как нам представляется, демонстри-

5 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 27.06.2023).

6 Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 27 января 2022 г. по делу № 2-144/2022 // URL: https://vor--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=281219637&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 28.06.2023).

7 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2023 г. № 16-КГ23-11-К4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2023).

рует, что, во-первых, не всегда действующая сложившаяся практика является правильной (истинной), во-вторых, это также не означает, что надо смиренно жить при такой практике, в-третьих, если сложившаяся практика неправильная, противоречащая принципам права, здравому смыслу и др., то с такой практикой надо бороться, её необходимо поправлять, начинать можно с малого: с конкретного дела.

Решения обозначенной проблемы высказываются и учёными. Например, Н.П. Кириллова считает, что «освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям возможно только в том случае, если органы предварительного расследования безусловно установили, что конкретное лицо виновно в совершении преступления, вследствие чего оно должно подвергнуться уголовной ответственности за это деяние, однако в силу определенных обстоятельств признается нецелесообразным возложить на это лицо обязанность претерпеть все последствия привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 91]. Если же это не установить, то «расследование должно было бы продолжаться в целях установления подлинного преступника» [6, с. 91]. Вследствие чего ей видится целесообразным дополнить ст. 213 УПК РФ нормой об обязательном изложении «доказательств, подтверждающих виновность лица, совершившего преступление, и вывод следователя о его виновности, если дело прекращено по нереабилитирующим основаниям» [6, с. 91].

Представляется, что данная позиция является небесспорной. Безусловно, до момента освобождения от уголовной ответственности устанавливаются элементы и признаки определённого состава преступления, в том числе, и вина, однако это не будет иметь значения, например, при освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), поскольку, как верно отмечает профессор И.А. Клепицкий, «данное основание ... является императивным (за исключением применения сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы)» [7, с. 126]. Неужели и в таком случае всё равно необходимо будет устанавливать (доказывать) виновность лица? На наш взгляд – нет, ведь в данной ситуации законодатель возложил на правоприменителя однозначную обязанность прекратить уголовное дело или уголовное преследование, поскольку последнему, как раз-таки, и не удалось в указанные сроки (сроки давности) доказать обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ) по конкретному делу. Дальнейшее же расследование (за рамками сроков давности) не будет являться разумным и достаточным, ведь истечение указанного времени (сроков давности), как верно указывает профессор В.Ф. Цепелев, «существенно затрудняет задачу установления истины по делу» [8, с. 172]. Как видится, данный вывод соотносится также и с принципом процессуальной экономии (напомним, что институт освобождения от уголовной ответственности призван, в том числе, и для того, чтобы «разгрузить» органы предварительного расследования от «малозначительных» деяний и направить их потенциал на раскрытие более тяжких и сложных преступлений, а при освобождении от уголовной ответственности по ст. 78 УК РФ считается, что «по прошествии определённого срока ... деяние и личность утрачивают общественную опасность или она существенно снижается» [9, с. 305]).

Высказанное находит своё подтверждение и на практике. Так, например, Судебная коллегия по административным делам Четвёртого апелляционного суда

общей юрисдикции⁸, признавая несостоятельными доводы апелляционных жалоб Министерства финансов РФ и МВД России, подтвердила выводы суда первой инстанции о недостаточности и неэффективности действий дознавателей по проведению дознания в рамках уголовного дела и, как следствие, законности освобождения от уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ (дело было возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ). Судебная коллегия отметила, что, устанавливая срок давности привлечения к уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести в два года, законодатель установил, что такой срок является разумным и достаточным для установления лиц, виновных в совершении преступления небольшой тяжести, и привлечения их к уголовной ответственности. В данном примере, исходя из предложения Н.П. Кирилловой, дознанию всё равно придётся «исправлять свои ошибки» (их совершают все, они неизбежны) и доказывать виновность лица (ведь данное основание освобождения от уголовной ответственности является нереабилитирующим). Однако такая деятельность будет и незаконной, и противоречащей здравому смыслу, а собирать соответствующие доказательства дознание должно было и до освобождения от уголовной ответственности (это и есть его работа).

Схожую позицию занимает и Конституционный Суд РФ, неоднократно указывающий, что решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность (п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П⁹, п. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П¹⁰). Однако, к сожалению, из указанного не вытекает однозначная обязанность правоприменителя не излагать в соответствующем постановлении вывод о виновности лица (это не является критичным, поскольку это, на наш взгляд, следует из вышеуказанных норм Конституции РФ и УПК РФ).

Кроме того, как представляется, реализация указанного Н.П. Кирилловой предложения в этом уголовно-процессуальном ключе вновь вернёт российскую систему уголовного права на несколько десятилетий назад. Так ещё в 1990 г. Комитетом конституционного надзора СССР (ныне его полномочия реализует Конституционный Суд РФ) были признаны не соответствующими ст. 160 Конституции СССР¹¹ (данная статья посвящена презумпции невиновности) нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, дающие возможность признавать лицо виновным в совершении преступления без рассмотрения дела в суде, поскольку только неукоснительное соблюдение принципа презумпции невиновности обеспечивает правовую защиту личности от необоснованного обвинения в совершении преступления (п. 1 Заключения Комитетом консти-

8 Апелляционное определение Четвёртого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2022 г. по делу № 66а-1117/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2023).

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 44. Ст. 6821.

11 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 7 октября 1977 г (ред. от 14 марта 1990 г.) // Свод законов СССР. 1990. Т. 3, С. 14.

туционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8¹² (далее – Заключение)).

Поэтому в науке уголовного права предлагается и диаметрально противоположное. Так, по мнению Я.Н. Ермоловича, в данном ключе, для разрешения сложившейся проблемы вообще необходимо «лишение органов предварительного расследования права освобождения от уголовной ответственности, наделение правом освобождения от уголовной ответственности только судов» [10, с. 78]. Безусловно, такое нововведение решает данный вопрос, собственно говоря, ликвидируя его. Однако оно кажется нецелесообразным, ведь, как минимум, это противоречит принципу процессуальной экономии, исходя из которого данный институт и создавался, поскольку тогда нагрузка на суд станет ещё большей, чем та, которая есть сегодня.

Нам, в свою очередь, в разрешении данной проблемы видится правильным руководствоваться Конституцией РФ (ч. 1 ст. 49) и, во-первых, не лишать органы предварительного расследования права освобождать от уголовной ответственности (отказываться от уголовного преследования), во-вторых, окончательно «закрыв» данную научную дискуссию, на законодательном уровне (например, детализируя презумпцию невиновности в ст. 14 УПК РФ (не стоит настолько расширять норму Конституции РФ, она не предназначена для этого)) закрепить обязанность (норму-запрещение) правоприменителя при принятии соответствующего акта воздержаться от изложения вывода о виновности лица (такая обязанность по действующему российскому законодательству вытекает лишь из системного толкования норм Конституции РФ, УК РФ и УПК РФ, что и порождает как правоприменительные ошибки, так и научный диспут), обратное будет являться незаконным. Обязывание же органов предварительного расследования констатировать в соответствующем постановлении «полную и несомненную невиновность» [11, с. 232], как того предлагает профессор В.М. Савицкий, будет, на наш взгляд, вторгаться в компетенцию суда, ведь окончательно вопрос о виновности разрешает именно он, а при освобождении от уголовной ответственности лицо становится невиновным уже в силу закона (как представляется, это также является проявлением принципа сдержек и противовесов российской системы разделения властей), это, в таком случае, не требует дополнительных пояснений (закреплений) со стороны правоприменителя.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности не влечёт признания лица виновным, тем самым оно, приобретая статус подвергавшегося уголовному преследованию лица, законно и обосновано избегает (кроме несовершеннолетних – ч. 4 ст. 90 УК РФ) негативных правовых последствий (мер государственного принуждения), которые наступили бы в случае вынесения обвинительного приговора (в первую очередь, лицо избегает уголовного наказания) ввиду отсутствия основания.

Однако, к сожалению, данный конституционно-обоснованный постулат был актуален только до 23 декабря 2010 г. Это дата вступления в силу Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 387-ФЗ¹³ (далее – ФЗ № 387-ФЗ), который стал «пионером» в создании в системе российского законодательства ограничений,

12 Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

13 О внесении изменений в статью 221 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 декабря 2010 г. № 387-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7002.

связанных с освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Позже в указанном правиле крупную брешь пробил Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹⁴: он ввёл такое условное основание освобождения от уголовной ответственности как назначение судебного штрафа (ст. 762 УК РФ). Заранее отметим, что оно не является непосредственным предметом настоящего исследования, поскольку проблемы судебного штрафа, под которым понимается «не ответственность вообще, а всего лишь возможность, предоставленная подозреваемому, загладить причинённый им вред, сделать “доброе дело”» [12, с. 124], в контексте нарушения презумпции невиновности и не только, на наш взгляд, уже глубоко проанализированы в соответствующей работе профессором И.А. Клепицким.

Итак, продемонстрируем, какие на сегодняшний день предусмотрены ограничения для лиц, подвергавшихся уголовному преследованию и освобождённых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным, в том числе, и УК РФ, которые с 2010 г. законодательно ввёл ФЗ № 387-ФЗ и не только.

1) Согласно абз. 1 и 3 ч. 2 ст. 331 Трудового кодекса Российской Федерации¹⁵ (далее – ТК РФ) к педагогической деятельности не допускаются лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (кроме ст. ст. 128, 1281 УК РФ), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности.

Представляется не весьма ясным критерий столь избирательного подхода к выбору именно этих видов преступлений, поскольку схожие по характеру и степени общественной опасности, тяжести преступные деяния находятся и в других главах УК РФ. Чем, например, обусловлено то, что преподаватель, склонивший совершеннолетнего студента к массовым беспорядкам (ч. 11 ст. 212 УК РФ), но освобождённый от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ) от педагогической деятельности будет отстранён, поскольку данное преступление относится к преступлениям против общественной безопасности, а преподаватель-практик, незаконно возбудивший уголовное дело из личной заинтересованности, что повлекло причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ), и также освобождённый от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ) – не будет, так как данное преступление направлено против правосудия. В обоих случаях преступления являются тяжкими (даже санкции одинаковые), только почему-то один «заслужил» ограничений, а другой нет. Как представляется, логически-обоснованного ответа на этот вопрос найти нельзя. На наш взгляд, такая казуистичная и несистемная выборка определена только лишь актуальностью государственно-политической повестки, но никак не выверенным научно-обоснованным анализом, что резко снижает качество нашего законодательства.

14 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

15 Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

2) Согласно пп. 9 п. 1 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации¹⁶ (далее – СК РФ) усыновителями не могут быть лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные виды преступлений (за исключением преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства). Если же преступления из этих видов относятся к категории небольшой или средней тяжести (ч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ), то, согласно пп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ, лишить права на усыновление может только суд в случае признания лица представляющим опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребёнка. Таким образом, можно прийти к выводу, что для тяжких и особо тяжких (ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ) преступлений из ранее указанных видов установлен императивный (в силу закона) запрет на усыновление, а для небольшой и средней тяжести – диспозитивный (на основании судебного акта).

3) Согласно абз. 1 и 3 п. 1 ст. 146 СК РФ опекунами и попечителями не могут быть лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные виды преступлений (за исключением преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства).

4) Согласно ч. 1 ст. 3511 ТК РФ лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные преступления, не допускаются к трудовой деятельности в следующих сферах: (1) образование, (2) воспитание, (3) развитие несовершеннолетних, (4) организация отдыха и оздоровления несовершеннолетних, (5) медицинское обеспечение, (6) социальная защита и социальное обслуживание, (7) детско-юношеский спорт, (8) культура и искусство с участием несовершеннолетних.

Отметим, что данные сферы формально ограничены общим критерием: указанным лицам нельзя работать в тех местах, где есть несовершеннолетние, поскольку данными лицами на них будет оказано негативное воздействие (в том числе именно этим было мотивировано принятие ФЗ № 387-ФЗ¹⁷). Однако, как представляется, практически не существует мест из указанных сфер, где не может оказаться несовершеннолетний. Например, любой несовершеннолетний может сходить в любой кинотеатр на премьеру детского мультфильма или в краеведческий музей своего города на просветительскую экскурсию. Оба этих места относятся к сфере культуры и искусства, оба они являются общедоступными, значит их могут посещать несовершеннолетние (множество частного входит в множество общего; соотношение вида и рода), следовательно, указанным лицам осуществлять трудовую деятельность в этих местах нельзя. Таким образом, данная сфера *de facto* носит безграничный характер (хотя *de iure* ограничена), из-за чего, к примеру, лицо, подвергавшееся уголовному преследованию (с учётом ранее обозначенных условий) не сможет устроиться в тот же театр обычным билетёром. В такой ситуации трудно себе представить как именно билетёр будет негативно влиять на несовершеннолетнего.

К счастью, правоприменительная практика ещё позволяет себе толковать законы не вопреки здравому смыслу, но, к сожалению, не по первой инстанции. Например, вот такая жизненная ситуация: представитель работодателя (ФГБУ «Санаторий работников органов прокуратуры Российской Федерации “Электроника”» (далее – Санаторий)) при проведении собеседования потребовал у ФИО 1

16 Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

17 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 221 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/408064-5> (дата обращения: 29.06.2023 г.).

(инвалида II группы по общему заболеванию бессрочно, желавшего устроиться контролёром контрольно-пропускного пункта в Санаторий) справку о наличии (отсутствии) судимости (на самом деле и о факте уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, других видов данных справок сегодня не существует (об этом подробнее будет сказано далее)), а он, в свою очередь, считая такое требование работодателя не основанным на законе, отказался предоставлять её, в связи с чем в трудоустройстве ему было отказано. В результате Судебная коллегия по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции¹⁸ подтвердила верность вывода суда апелляционной инстанции, который признал не соответствующему закону (на самом деле, только его системно-расширительному толкованию вкупе со здравым смыслом) тезис суда первой инстанции о том, что, поскольку предметом деятельности Санатория является организация отдыха и оздоровления не только прокурорских работников, федеральных государственных гражданских служащих иных работников, а также пенсионеров органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации, но и членов их семей (а следовательно, и детей), то поэтому включение требования о предоставлении справки о наличии (отсутствии) судимости при поступлении на работу (то есть любые должности в данном Санатории) правомерны. На этом основании суд апелляционной инстанции (с чем согласилась и Судебная коллегия по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции) признал, что требования истца о признании незаконным отказа в приёме на работу являются обоснованными.

5) Согласно абз. 2 п. 4 ст. 221 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ¹⁹ (далее – ФЗ № 129-ФЗ) если физическое лицо намерено осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности в выше обозначенных сферах и если оно подвергалось уголовному преследованию за те же ранее указанные преступления, то не допускается его регистрация в качестве индивидуального предпринимателя (то есть ему запрещено осуществлять обозначенную деятельность, ведь в противном случае можно будет усмотреть признаки преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ).

6) Согласно п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ²⁰, п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ²¹, п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ²² не может быть принят на службу в (1) органы принудительного исполнения, (2) уголовно-исполнительной системе, (3) органы внутренних дел, соответственно, гражданин, который подвергался уголовному преследованию и был освобождён от уголовной ответственности на основании ст. ст. 75, 76 (кроме уголовных дел частного обвинения,

18 Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 1 февраля 2023 г. № 88-37553/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2023 г.).

19 О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

20 О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

21 О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532.

22 О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

прекращённых не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы принудительного исполнения), 78, 84 УК РФ.

В данном ограничении также не весьма ясен критерий избирательного подхода к выбору видов оснований освобождения от уголовной ответственности. Получается, например, если гражданину, планирующему в дальнейшем попасть на службу в органы принудительного исполнения, при освобождении от уголовной ответственности за совершённое преступление небольшой тяжести будет «выгоднее» не мириться с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), а просто выплатить государству судебный штраф (ст. 762 УК РФ), ведь в таком случае у него остаются все шансы реализовать задуманное. Таким образом, само государство в лице законодателя говорит ему не мириться, то есть не пытаться восстановить нарушенные общественные отношения (социальные связи – объект преступления), а просто «откупиться» от содеянного, поощряя это сохранением возможности попадания на службу. Как представляется, это демонстрирует пробельность и казуистичность законодательства.

Нами были представлены и проанализированы все ограничения в действующем законодательстве. На наш взгляд, прослеживается устойчивая тенденция по нормативизации такого рода ограничений. Это, в том числе, подтверждается и тем, что в настоящее время готовится ещё ряд изменений в российское законодательство соответствующего характера. Так, согласно абз. 2 и 3 пп. «б» п. 5 «Национального плана противодействия коррупции на 2021 – 2024 гг.»²³ Генеральной прокуратуре РФ с участием иных правоохранительных органов (в целях краткости они перечислены не будут) поручено подготовить предложения по установлению:

(1) запрета на поступление на федеральную государственную службу и её прохождение в отдельных федеральных государственных органах (исходя из специфики их деятельности), запрета на приём на работу по трудовому договору в эти федеральные государственные органы и осуществление в них трудовой деятельности для граждан, освобождённых от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности с назначением судебного штрафа в соответствии со ст. 762 УК РФ;

(2) ограничений, связанных с назначением на должность руководителя государственного (муниципального) унитарного предприятия или государственного (муниципального) учреждения лица, имеющего неснятую (непогашенную) судимость или подвергавшегося уголовному преследованию за совершение преступлений коррупционной направленности (за исключением случаев, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям), а также ограничений, связанных с замещением указанным лицом такой должности.

Как с практической точки зрения, например, работодателю выяснить, что лицо, желающее работать педагогом, не имеет (или же имеет) правовой статус лица, подвергавшегося уголовному преследованию? Отвечая именно на этот вопрос ФЗ № 387-ФЗ, как говорит профессор И.А. Клепицкий, «справка о судимости (была – А.Ш., Г.Ш.) испорчена» [13, с. 52], поскольку был принят новый соответствующий административный регламент. До поправок 2010 г. действовала «Инструкция о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсут-

23 Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

ствии) у них судимости»²⁴ (далее – Инструкция), после – утверждён «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования»²⁵, на сегодняшний день действует одноимённый Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации²⁶ (далее – Регламент). Изначально справка о наличии (отсутствии) судимости (далее – справка о судимости) в Инструкции не предполагала отражения факта освобождения от уголовной ответственности. С принятием же Регламента всё поменялось, и изначально предназначенная для подтверждения негативных правовых последствий от обвинительного приговора справка о судимости стала отображать ещё и информацию об отказе государства от уголовного преследования (п. 76.4., приложение № 4 Регламента).

Представляется, что такое нормативное удостоверение факта отказа от возбуждения дела либо прекращения уголовного преследования или уголовного дела породило в реальной жизни проблему иного рода: увеличение латентности незаконных отказов в приёме на работу. Работодатели (в данной ситуации не подразумеваются виды и сферы трудовой деятельности, входящие в ограничения, указанные ранее) в поисках ценных и совершенных кадров при трудоустройстве требуют от лиц, ищущих работу, вопреки абз. 7 ч. 1 ст. 65 ТК РФ, предоставить ту самую справку о судимости. Потенциальные работники в целях не упустить возможность заключить трудовой договор осознанно либо нет («на сегодняшний день правовое просвещение граждан Российской Федерации является одной из приоритетных задач государственной политики» [14, с. 114]) её предоставляют. Работодатель, видя, что справка о судимости испорчена, при этом не осознавая, что испорчена она не судимостью, а освобождением от уголовной ответственности, отказывает лицу в приёме на работу, что противоречит действующему трудовому законодательству, ведь отказать в заключении трудового договора можно только, согласно ч. 2 ст. 64 ТК РФ, на основании несоответствия деловым качествам. Лицо же, в свою очередь, не предпринимает соответствующих действий, чтобы оспорить данный отказ, поскольку этот процесс не будет являться быстрым (потребность же в трудоустройстве сохраняется) и незатратным. Поэтому, на наш взгляд, удостоверение факта освобождения от уголовной ответственности не должно быть допущено фиксацией его в справке о судимости, ведь данный документ изначально был создан с целью подтверждения наличия (отсутствия) судимости, являющейся «уголовно-правовым состоянием лица, осуждённого за совершение преступления» [7, с. 146], а клиповое, ассоциативное мышление, к сожалению, нередко не позволяет неюрисстам разделить две данные совершенно разные правовые категории.

24 Приказ Министра внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 965 (ред. от 17 ноября 2005 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости» // Российская газета. 2002. 23 янв.

25 Приказ Министра внутренних дел России от 7 ноября 2011 г. № 1121 (ред. от 22 августа 2017 г.) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования» // Российская газета. 2012. 11 янв.

26 Приказ Министра внутренних дел России от 27 сентября 2019 г. № 660 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 29.06.2023).

Теперь же рассмотрим, чем по своей правовой природе являются данные ограничения. Условиями освобождения от уголовной ответственности? Нет, ведь все необходимые для этого условия уже «заложены» в соответствующих нормах УК РФ, с такой позиции эти ограничения – лишь негативные правовые последствия, не зависящие от воли лица. Может быть, это меры профилактики, чтобы снизить высокую вероятность совершения освобождёнными при данных условиях (речь идёт о содержании ограничений) правонарушений? Представляется, что тоже нет, ведь если это действительно так, то, как отмечает профессор И.А. Клепицкий, «следующим шагом может стать сожжение живьём как мера профилактики против заразных болезней ... на основании распоряжения инспектора санэпиднадзора» [13, с. 55]. Возможно это уголовное наказание? Формально (*de iure*) тоже нет, ведь указанные ограничения не нашли своего отражения в ст. 44 УК РФ, содержащей все возможные виды уголовных наказаний. А вот *de facto* по содержанию, на наш взгляд, эти ограничения – и есть не что иное как уголовные наказания (или же проявления парауголовной ответственности, предусмотренной одноимённым правом, под которым понимаются, как указывает профессор И.А. Клепицкий, «системы правовых норм, позволяющих властям наказывать людей, не применяя при этом нормы уголовного права и, как правило, за рамками уголовного судопроизводства» [13, с. 79]).

Да, данные ограничения не отражают признаков уголовного наказания, указанных в его определении в ч. 1 ст. 43 УК РФ, однако и эта дефиниция «не содержит норм материального права» [8, с. 119], а всего лишь утверждает, что «уголовное наказание есть то, что названо наказанием в УК РФ, его статье 44» [8, с. 120]. В чём же тогда заключается сущность наказания? Как указывает профессор И.А. Клепицкий, «в его строгости, большей или меньшей. ... Наказание – всегда кара, страдание и лишение» [8, с. 120, 122]. Разве приведённые ограничения не являются строгими? На наш взгляд, являются, ибо они носят, внимание, пожизненный характер (поскольку законодательно ограничений во времени нет), тем самым навсегда лишая человека возможности осуществлять определённую деятельность. На самом деле, ликвидация пожизненного характера данных ограничений предусмотрена законом и то только в трёх случаях (описанные ограничения № 1, 4, 5). Так, согласно ч. 3 ст. 331, ч. 3 ст. 3511 ТК РФ, абз. 3 п. 4 ст. 221 ФЗ № 129-ФЗ лица допускаются к соответствующим видам деятельности при наличии решения о допуске их к ним, выданном комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ (далее – Комиссия). Однако данный правовой механизм, как представляется, является малоэффективным, поскольку зачем данной Комиссии брать на себя моральную ответственность за то, что она разрешила «преступнику» (помним про распространённость на сегодняшний день отрицательного ассоциативного мышления и актуальность правового просвещения), например, работать охранником или кочегаром в школе.

Лишение свободы (как одно из самых строгих уголовных наказаний в соответствии со ст. 44 УК РФ) носит ограниченный во времени характер (максимум – 20 лет (ч. 2 ст. 56 УК РФ)), а пожизненное лишение свободы предусмотрено только за самые опасные преступления и усечено критерием пола субъекта преступления (ст. 57 УК РФ). Таким образом, можно сделать вывод, что эти ограничения даже жёстче (строже) самого строгого уголовного наказания. Помимо этого, данные меры государственного принуждения (принуждение реализуется путём наложения пожизненного запрета) не на основании закона массово порождают негативные последствия (речь идёт о вышеописанных ситуациях с незаконными отказами в приёме на работу по причине испорченности справки о судимости записью об освобождении от уголовной ответственности), что также обуславли-

вает их чрезмерную строгость и затрудняет ресоциализацию соответствующих лиц в обществе. Причём, как представляется, знак равенства между указанными мерами государственного принуждения и уголовным наказанием ставит и сам законодатель, ведь рассмотренные ограничения в полной мере распространяются и на лиц, имеющих судимость, значит, для него нет отличий между тем, кто признан судом виновным, и тем, кто освобождён от уголовной ответственности.

Если же указанные ограничения фактически являются наказаниями, то, с этой точки зрения, соответствует ли это ч. 1 ст. 49 Конституции РФ: презумпции невиновности, ведь уголовное наказание может быть назначено только приговором суда? Представляется, что нет, поскольку уголовное наказание (те самые ограничения, меры государственного принуждения) назначается невиновному лицу, которого государство освобождает от уголовной ответственности. Данный вывод, как представляется, косвенно подтверждает и профессор Г.А. Есаков, указывающий, что «прекращение уголовно-правовых последствий не означает прекращения гражданско-правовых или дисциплинарно-взыскательных отношений, возникших в связи с совершением лицом преступления, от уголовной ответственности за которое оно освобождено» [15, с. 333]. Как мы выяснили, на самом деле, по содержанию данные формально неуголовные последствия фактически являются наказаниями.

Эта проблема не нова (история повторяется), поэтому мы соглашаемся с профессором И.А. Клепицким в том, что «сегодня стирается грань между наказаниями, иными мерами принуждения и мерами безопасности ... Имеет место выраженная тенденция к внедрению строгих мер принуждения за рамками уголовного права и вопреки его принципам» [8, с. 123]. Так, ещё в 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР указанным ранее Заключением признал нарушением конституционного принципа презумпции невиновности то, что по действующему ранее законодательству в случае прекращения уголовного производства к лицу применялись меры административного взыскания или общественного воздействия, и это правильно.

Действительно, в данном ключе в своём конституционно-правовом смысле, как отмечает профессор Т.Г. Морщакова, «формулируя требования к характеру взаимоотношений между личностью и государством в связи с уголовным преследованием, презумпция невиновности возлагает обязанность обращаться с лицом (до вступления в законную силу вынесенного в отношении него обвинительного приговора) как с невиновным не только на органы уголовного судопроизводства, но и на все другие инстанции, от которых, в частности, зависит реализация правового статуса личности в области социальных, трудовых, избирательных, жилищных и других прав (также гражданских – А.Ш., Г.Ш.)» [5, с. 463]. Данную позицию толкования ч. 1 ст. 49 Конституции РФ полностью разделяет и, например, профессор С.В. Нарутто [16, с. 101-102]. Причём, отметим, что именно в таком смысле презумпцию невиновности воспринимает, к примеру, та же Германия, где «в отличие от России, нет формальных ограничений прав и свобод граждан, освобождённых от уголовной ответственности» [13, с. 57]. Таким образом, мы считаем доказанным тот факт, что действующие в настоящее время меры государственного принуждения (пожизненные ограничения), применимые к лицам, освобождённым государством от уголовной ответственности по основаниям УК РФ, не соответствуют принципу презумпции невиновности, оттого в корне противоречат Конституции РФ.

Данная ситуация ещё раз, как представляется, является подтверждением слов профессора И.А. Клепицкого о том, что «законотворчеством должны заниматься юристы самой высокой квалификации, ведущие специалисты в соответствующей

щих отраслях права, а не депутаты и их помощники. Задача последних – формулировать политическую волю» [17, с. 648].

Итак, кратко обобщим полученные в ходе исследования выводы:

1. На нормативном уровне (в первую очередь, конституционном) в настоящее время действует простое правило: никто, кроме суда, не может делать вывод о виновности в совершении преступления ни в каких-либо актах, кроме приговора (принцип презумпции невиновности). Однако в практике нередко данный постулат нарушается (есть даже предложения легализовать данное отклонение), поэтому в целях его детализации и предотвращения такой неправильной практики предлагается на законодательном уровне закрепить пассивную обязанность правоприменителя не делать вывод о виновности в акте освобождения от уголовной ответственности.

2. Обусловленные актуальностью государственно-политической повестки ограничения, предусмотренные для лиц, подвергавшихся уголовному преследованию, носят исключительно казуистичный характер, что нарушает принцип справедливости (а ведь «согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом [18, с. 131]») и только доказывает низкий уровень юридической техники российской системы законодательства.

3. Меры государственного принуждения (ограничения), применяемые к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, исходя из своей строгости (проявляющейся, в первую очередь, их пожизненным характером) являются уголовными наказаниями, поэтому само значение института освобождения от уголовной ответственности в корне подорвано.

4. Существующий механизм закрепления правового статуса лиц, подвергавшихся уголовному преследованию: через справку о судимости, расширяет карательное содержание ограничений, применимых к ним, добавляя, по сути, новые.

5. Законодательное закрепление и применение мер государственного принуждения (ограничений) к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, противоречит презумпции невиновности и, тем самым, нарушает Конституцию РФ, то есть соответствующие нормы носят неконституционный характер, ведь нельзя наказывать невиновного человека.

Предложения по решению указанных материально-правовых проблем:

1. «План максимум» (разрешит сложившиеся проблемы): поскольку применяемые меры государственного принуждения к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, противоречат Конституции РФ, то необходимо устранить их действие в отечественной законодательной системе. В данном случае у законодателя есть два пути: ликвидировать институт освобождения от уголовной ответственности из УК РФ, как это и было сделано в своё время после Заключения Комитета по конституционному надзору СССР, поскольку тогда и не будет лиц, к которым эти меры можно применить, или устранить сами меры (и, соответственно, исправить справку о судимости) и в данном ключе привести законодательство в состояние на момент до принятия ФЗ № 387-ФЗ (то есть до 2010 г.). Как представляется, институт освобождения от уголовной ответственности имеет своё большое гуманистическое, демократическое и целесообразное значение, поэтому не заслуживает быть исключённым из УК РФ, оттого правильным видится пойти по второму пути.

2. «План минимум» (не разрешит сложившихся проблем, но уменьшит их степень): исправить справку о судимости, разработав иной механизм фиксации правового статуса лица, подвергавшегося уголовному преследованию.

Библиографический список:

1. *Файзуллина Д.Р.* История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // *Russian Journal of Economics and Law*. 2008. № 2 (6). С. 151-157.
2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой. – М.: Проспект, 2019. 416 с.
3. *Казарин Д.М., Рябчиков В.В.* Реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования: актуальные вопросы правоприменительной практики // *Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet»*. 2022. № 2. С. 1220-1227.
4. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 784 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
6. *Кириллова Н.П.* Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2010. № 1. С. 84-93.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / И.А. Клепицкий. – 9-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 710 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/24764>.
8. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2023. 288 с.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. 1344 с.
10. *Ермолович Я.Н.* Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство необходимо совершенствовать (Научно-практический комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» от 8 ноября 2016 г. № 22-П) // *Право в Вооруженных Силах*. 2017. № 2. С. 72-78.
11. *Савицкий В.М.* Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. – М.: Госюриздат, 1959. 262 с.
12. *Клепицкий И.А.* Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности // *Lex Russica*. 2020. № 12 (169). С. 118-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.118-130.
13. *Клепицкий И.А.* Новое экономическое уголовное право: монография – М.: Проспект, 2022. 984 с.
14. *Юсова К.В.* Важные аспекты участия прокуратуры

References:

1. *Fayzullina D.R.* (2008). The History of the Development of the Institute of Exemption from Criminal Liability and Punishment in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2 (6). pp. 151-157
2. *Gracheva Yu.V.* (Ed) (2019). *Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook*. Moscow: Prospekt. p. 416
3. *Kazarin D.M., Ryabchikov V.V.* (2022). Rehabilitating and Non-Rehabilitating Grounds for Termination of a Criminal Case and Criminal Prosecution: Topical Issues of Law Enforcement Practice. *Scientific and educational journal for students and teachers «StudNet»*. 2. pp. 1220-1227
4. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* (2023). *Criminal Procedure: Textbook*, ed. by A.V. Smirnov, 8th ed. Moscow: Norm: INFRA-M. p. 784
5. *Zorkin V.D.* (2013). *Commentary on the Constitution of the Russian Federation*, 3rd ed. Moscow: Norm: INFRA-M. p. 1040
6. *Kirillova N.P.* (2010). Some Problems of Implementation of Criminal Law Norms Regulating Exemption from Criminal Liability and Punishment. *Bulletin of Saint-Petersburg University. Law*. 1. pp. 84-93
7. *Klepitskij I.A.* (2018). *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (An Article-by-Article)*, 9th ed. Moscow: RIOR: INFRA-M. p. 710
8. *Rarog A.I.* (Ed) (2023). *The Quality of the Criminal Law: Problems of the General Part: Monograph*. Moscow: Prospekt. p. 288
9. *Brilliantov A.V.* (Ed) (2022). *Criminal Law of Russia. Parts General and Special: Textbook*, 3rd ed. Moscow: Prospekt. p. 1344
10. *Yermolovich Ya.N.* (2017). Criminal and Criminal Procedural Legislation Needs to be Improved (Scientific and Practical Commentary to the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph Three of Article 5 and Paragraph 5 of Article 8 of the Federal Law «On Material Liability of Military Personnel» in Connection with the Complaint of Citizen D.V. Bataragin» Dated November 8, 2016 No. 22-P). *Law in the Armed Forces*. 2. pp. 72-78
11. *Savitsky V.M.* (1959). *Prosecutor's Supervision of the Inquiry and Preliminary Investigation*. Moscow: Gosyurizdat. p. 262
12. *Klepitskij I.A.* (2020). Judicial Fine as an Alternative to Criminal Liability. *Lex Russica*. 12 (169). pp. 118-130
13. *Klepitskij I.A.* (2022). *New Economic Criminal Law: Monograph*. Moscow: Prospekt. p. 984
14. *Yusova K.V.* (2022). Important Aspects of the Prosecutor's Office's Participation in Legal Education. Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Materials of the XXI International Conference of Young Scientists: in 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). pp. 114-116

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

- туры в работе по правовому просвещению // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых ученых: в 3 т. Т. 1. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 114-116.
15. *Есаков Г.А.* Экономическое уголовное право: Общая часть: монография – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 359 с.
 16. Комментарий к Конституции Российской Федерации: нормативная литература / С.В. Нарутто. – М.: КНОРУС, 2021. 452 с.
 17. *Клепицкий И.А.* Преодоление аномии на примере конкретной ситуации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 4. С. 640-651. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).640-651.
 18. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2020. 392 с.
 15. *Esakov G.A.* (2019). The Economic Criminal Law: The General Part: Monograph. Moscow: HSE Publishing House. p. 359
 16. *Narutto S.V.* (2021). Commentary on the Constitution of the Russian Federation: Normative Literature. Moscow: KNORUS. p. 452
 17. *Klepitskij I.A.* (2015). Overcoming Anomie: a Case Study. Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 4. pp. 640-651
 18. *Batyr K.I., Polikarpova E.V.* (Eds) (2020). Anthology on the History of State and Law of Foreign Countries: Study Guide: in 2 Vol. Vol. 1. Moscow: Prospekt. p. 392